

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.512.161

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.22-33

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Напольнова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Аннотация

Во многих языках, в том числе современном турецком, отмечается использование лексем с пространственным значением для выражения временных отношений. Однако в турецком языке употребление падежных форм существительных для указания на пространственное положение и перемещение объектов, с одной стороны, и локализацию действий во времени – с другой, обнаруживает существенные отличия, которые носят системный характер и указывают на разницу в восприятии пространственных и временных явлений, а также на историческую смену моделей восприятия времени в картине мира носителей турецкого языка. Этот факт опровергает существующее мнение о первичности пространственных отношений по отношению к временным при восприятии окружающего мира у народов с исконной кочевой культурой, однако требует рассмотрения на материале других тюркских языков. Сделан вывод о том, что для анализа способов выражения такого рода отношений обязательно привлечение фактов разных языковых уровней.

Ключевые слова: турецкий язык, способы выражения временных отношений, использование падежных форм, пространственные падежи

В философии пространство и время признаются основными формами существования материи: «В своем единстве пространство и время составляют объективную универсальную структуру материального мира, лежащую в основе системной организации и закономерного порядка бесконечного многообразия бытия» [1, с. 93]. Формирование философских представлений о сущности пространства и времени заняло много веков, между тем на всем протяжении истории люди были вынуждены тем или иным образом интерпретировать наблюдаемые пространственные и темпоральные явления и находить способы их языкового выражения, безусловно необходимые для адекватной коммуникации. Как известно, на специфику национального восприятия пространственных и временных отношений первым обратил внимание Б. Уорф, исследовавший язык хопи.

С прагматической точки зрения пространственные и временные отношения слишком существенно отличаются друг от друга, чтобы это не нашло отражения в языковых категориях локативности и темпоральности. Пространственное положение и перемещение объектов в основном конкретны и легко наблюдаются визуально. Для указания на положение в пространстве и направление перемещения могут использоваться разнообразные единицы измерения, в том числе при-

митивные антропоцентрические (например, локоть, шаг), и ориентиры разного типа (антропоцентрические, эгоцентрические, неантропоцентрические и неэгоцентрические), главным образом статичные. Пространственное перемещение обратимо, возможно возвращение к исходной точке. Временные отношения не могут наблюдаться визуально, они необратимы, для языкового указания на них существует абсолютная точка отсчета – некий «настоящий момент», который (в соответствии с современными представлениями), как бы непрерывно смещаясь в одном направлении, представляет собой виртуальную границу между прошлым и будущим. Все остальные точки отсчета, которые могут использоваться для языкового указания на временные отношения, вторичны, то есть их отнесенность к плану прошлого или же к плану будущего по отношению к настоящему моменту всегда определена. Маловероятной представляется возможность существования каких-либо антропоцентрических единиц измерения времени.

Современное линейное восприятие темпоральных отношений основано на общепринятой календарной системе летоисчисления и данных довольно сложных измерительных приборов, но изначально наглядным проявлением временных изменений являлись только циклические природные явления и смена поколений. На ранних этапах развития в основе восприятия временных отношений лежали наивные представления человека о течении времени, специфичные для разных культур и для разных уровней их развития. «Первой моделью времени при мифологическом миропонимании была архаическая колебательная модель, сменившаяся циклической моделью, при которой признавалось, что время всегда течет по определенному замкнутому кругу. Циклическая модель времени постепенно преобразуется в модель “спирального времени”, по мере того как между концентрическими временными циклами (кругами) стали устанавливаться определенные взаимосвязи. Раскручивание “спирали времени” в линейную конструкцию, при которой только и может появиться идея истории, происходит уже при других, более поздних формах общественного сознания» [2, с. 63]. Современные и древние модели (или стратегии) времени тесно связаны с особенностями окружающей среды, в которой проживало культурно-языковое общество, со способами его хозяйственной деятельности, а также с его мифологическими воззрениями [3, с. 21; 4, с. 28; 5, с. 75; 6, с. 33–34, 38]. Что касается конкретно тюркских языков, то, по мнению С.Г. Кляшторного, в древнетюркских памятниках обнаруживаются свидетельства наличия у древних тюрков циклической, личностной и линейной систем исчисления времени [7]. Анализ семантики современных турецких лексем с темпоральным значением позволяет выделить четыре различных модели времени [8, с. 250–251].

В лингвистике утвердилось мнение о том, что в основе способов выражения временных отношений чаще всего лежат способы выражения пространственных отношений: «Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» [9, с. 538]; «Пространственное понимание времени нашло свое выражение в древних пластах многих языков, и большинство временных понятий первоначально были пространственными» [10, с. 89]. Подобные выводы основаны прежде всего на анализе семантики многочисленных лексем, объединяющих в себе пространственное и темпоральное значения ([11–13] и др.). По мнению Г.Д. Гачева, у кочевых народов пространственные представления в целом преобладали над временными [14].

Что касается грамматики, то исследования темпоральности фокусируются практически исключительно на системах глагольных временных форм. В них, безусловно, также должны были отразиться национальные представления о течении времени, однако хорошо заметные последовательные исторические изменения на данном языковом уровне показывают, что в настоящее время таковые уже слабо прослеживаются, по крайней мере в достаточно детально изученных языках.

В исследованиях, касающихся особенностей языкового выражения временных отношений в сравнении с пространственными, остаются практически не рассмотренными падежные и падежно-предложные/послеложные формы, между тем использование последних непосредственно вытекает из самой функции падежей, заключающейся в выражении отношений между предметами или действием и предметами, а предлоги и послелогичны предназначены для уточнения этих отношений. На практическом уровне грамматическим способам выражения пространственных и временных отношений большое внимание уделяется в процессе преподавания иностранных языков, однако нам не удалось обнаружить теоретических работ, в которых исследовались бы причины использования того или иного способа. В отношении русского языка (например, предложный падеж *в городе, в апреле*, но винительный падеж *в понедельник*; невозможность использования сочетания *в утро* в функции обстоятельства времени в противоположность словосочетанию *в то утро* и др.) можно предположить, что причиной отсутствия соответствующих исследований является десемантизованность падежных форм в сочетании с предлогами. Тем не менее подобное направление исследований может представлять значительный интерес, во-первых, с точки зрения исторического развития временных представлений в рамках изучения языковых картин мира, поскольку сфера грамматики демонстрирует гораздо большую стабильность, чем лексика, и во-вторых – с точки зрения современного коммуникативно-прагматического направления лингвистических исследований, сфокусированного на том, каким образом язык выполняет свои функции.

В современном турецком языке на уровне лексической семантики присутствует большое количество примеров сочетания в лексеме пространственной и временной семантики: *uzun* ‘длинный, долгий’; *kısa* ‘короткий, краткий’; *uzu-* ‘стать дольше, длиннее’; *kısal-* ‘стать короче; стать более кратким’; *üç saatlik yol* (три часовой дорога) ‘трехчасовой путь’; *sür-* ‘тащить, тянуть’, ‘длиться’; *uçag-a yetiş-* (самолет-DAT достать) ‘успеть на самолет’; *üst raf-a yetiş-* (верхний полка достать) ‘достать до верхней полки’; *yol boyunca* (дорога вдоль) ‘вдоль дороги’; *bütün ay boyunca* (целый месяц вдоль) ‘весь месяц, в течение всего месяца’; *aralık* ‘пространство, промежуток’, ‘декабрь’; *ara-sıra* (промежуток-ряд) ‘иногда’; *sıra* ‘ряд’, ‘школьная парта’, ‘очередь, последовательность’; *ders sıra-sı-nda* (урок ряд-POSS3SG-LOC) ‘во время урока’ и др. С учетом того, что количество подобных слов довольно велико, представляется, что только часть из них исконно сочетала в себе пространственные и временные значения, как *uzun* и *kısa*, а другая часть приобрела темпоральную семантику не в ходе естественных языковых процессов, а в результате искусственного создания неологизмов. Этот процесс, именуемый языковой реформой, или языковой революцией (*dil devrimi*), был запущен в 1932 г. и первоначально направлен на замену

арабо-персидских заимствований на тюркские слова или слова, образованные от тюркских корней, а к настоящему времени приобрел практически неконтролируемый характер, когда в ходе «словотворчества» зачастую нарушается семантика исходных слов и морфем. Например, по данным (ЭСТЯ, с. 391–395), глагол *sür-* ‘тянуть, тащить’ ни в одном из тюркских языков, кроме турецкого, не имеет временного значения. Значение этого глагола в турецком языке ‘продолжаться, длиться’, вероятнее всего, восходит к выражению *uzun sür-* ‘долго продолжаться, тянуться, длиться’, в котором первоначально подчеркивалось медленное течение процесса за счет первичного значения глагола *sür-*. В результате от того же корня были образованы существительные *süre* ‘срок’, *süreç* ‘процесс’. От глагола с пространственным значением *dön-* ‘поворачивать(ся), вращаться, возвращаться’ искусственно образовано существительное *dönem* ‘период’, ‘семестр’ и др. Подобные примеры показывают, что соединение в слове пространственной и временной семантики может не уходить корнями в древние пласты языка и в таких случаях не должно приводиться в качестве доказательства первичности пространственных представлений.

Для указания на пространственное положение и направление перемещения объекта в современном турецком языке используются показатели трех пространственных падежей – локатива, датива и аблатива (в исходном и транзитивном значениях). Падежные показатели присоединяются или непосредственно к наименованию ориентира (*oda-ya* (комната-DAT) ‘в комнату’), и при этом дополнительно возможно использование послелога (*oda-ya doğru* (комната-DAT по направлению.к) ‘по направлению к комнате’), или к послелогу-имени, образующему изафетное сочетание с наименованием ориентира и оформленному показателем принадлежности 3 л. (*oda-nın iç-i-ne* (шкаф-GEN нутро-POSS3SG-DAT) ‘внутри комнаты’). Наряду с современными падежными показателями, которые выполняют синтаксические функции, в лексемах с пространственным значением обнаруживаются некоторые древние показатели, например, древний показатель направительности *-ra* (*yukarı* ‘верх-’, *geri* ‘зад-’ и др.) [15, с. 83]. В современном турецком языке он утратил активность, что обусловило возможность присоединения современных падежных показателей (например, *yukarı-dan* (верх-ABL) ‘сверху’), однако значения форм слова с современным показателем датива и без него совпадают (например, *yukarı çık-* (верх подниматься) = *yukarı-ya çık-* (верх-DAT подниматься) ‘подниматься вверх’), то есть значение направленности все еще слабо прослеживается в основе слова. Показатель древнего продольно-направительного падежа *-ça/-çä* [15, с. 83] используется с наименованиями различных единиц измерения в форме множественного числа (например, *kilometre-ler-ce* (километр-PL-*PROS) ‘на протяжении километров’), а также в составе лексемы *boy-u-nca* (длина/рост-POSS3SG-*PROS) ‘вдоль, на протяжении’.

Важным отличием способа выражения временных отношений от пространственных является использование основного падежа ряда существительных, обозначающих временной отрезок, к которому приурочено действие. К таким единицам относятся:

○ существительное *gün* ‘день, светлая часть суток’ в составе различных словосочетаний: *bir gün* (один день) ‘однажды’, *önceki gün* (предшествующий день) ‘позавчера’, *pazar gün-ü* (воскресенье день-POSS3SG) ‘(в) воскресенье’; *bahar gün-ü* (весна день-POSS3SG) ‘весной, в весенний день’ и др.;

○ существительные, именующие другие части суток: *sabah* ‘утро, утром, по утрам’, *sabah-lar-ı* (утро-PL-POSS3SG) ‘утром, по утрам’ (от араб. *ṣabāḥ*) и др.;

○ существительные, именующие циклические временные интервалы: *hafta* ‘неделя’ (от перс. *hefte*) (*önceki hafta* (передний неделя) ‘предыдущая неделя, на предыдущей неделе’), *ay* ‘месяц’ (*gelecek ay* (следующий месяц) ‘следующий месяц, в следующем месяце’), *yıl* = *sene* ‘год’ (от араб. *sene*) (*gelecek yıl/sene* (будущий год) ‘будущий год, в будущем году’, *bütün yıl* ‘целый год, весь год’).

В отношении лексем названных групп, а также наречий *dün* ‘вчера’ и *yarın* ‘завтра’ следует указать, что в случае образования от них прилагательного с помощью адъективизатора *-ki* он присоединяется непосредственно к корню слова (*dün-kü* (вчера-ADJ) ‘вчерашний’, *sabah-ki* (утро-ADJ) ‘утренний’, *geçen yıl-ki* (прошедший год-ADJ) ‘прошлогодний’), а не следует за показателем локатива, как при обозначении пространственных отношений (*okul-da-ki* (школа-LOC-ADJ) ‘находящийся в школе’).

Для отнесения события к сезону наряду с основным падежом древних тюркских лексем используются наречия, в составе которых присутствует показатель древнего орудийного падежа (C1, с. 95): *kış-ın* (зима-*INS) ‘зимой’, *güz-in* (осень-*INS) ‘осенью’.

Для указания на временную соотнесенность действий употребляются также формы трех пространственных падежей – локатива, датива и аблатива. Показатели двух последних используются для указания на момент начала и окончания действия парно, чаще в сочетании с послелогоми, уточняющими значения падежей: *sabah-tan akşam-a kadar* (утро-ABL вечер-DAT до) ‘с утра до вечера’.

Для изолированного указания только на момент начала действия вместе с аблативом обычно используются послелогом *beri* ‘с (тех пор)’ (*gün-ler-den beri* (день-PL-ABL с.тех.пор) ‘вот уже несколько дней’), *itibaren*, *başlayarak* ‘начиная с’ (*salı-dan itibaren/başlayarak* (вторник-ABL начиная.с) ‘со вторника’). Для указания только на момент окончания действия может использоваться датив в сочетании с послелогом *kadar* ‘до’, *dek* ‘вплоть до’ (*sabah-a kadar* (утро-DAT до) ‘до утра’). Изолированное использование отдельных лексем, обозначающих циклические процессы (части суток, сезоны), с показателем датива получило дополнительные семантические компоненты «ближайший» и «законченность действия»: *sabah-a* (утро-DAT) ‘до завтрашнего утра’, *akşam-a* (вечер-DAT) ‘сегодня до вечера’ (оба признаются лексикализовавшимися наречиями в ТЛО), *yaz-a* (утро-DAT) ‘до будущего лета’; *Bu proje sabah-a hazır ol-acak*¹ (это проект утро-DAT готовый быть-FUT) ‘Этот проект должен быть готов к утру’².

Локатив используется:

○ в большом количестве конструкций, указывающих на суточное время, дату, момент, когда совершается действие: *20. yüzyıl-da/asır-da* (20-й век-LOC) ‘в XIX веке’ (от араб. ‘*aşr*’); *1960’-ta* (1960-LOC) ‘в 1960 г.’, *2000 yıl-ı-nda* (2000 год-POSS3SG-LOC) ‘в 2000 г.’; *6 Ağustos’ta* (5 август-LOC) ‘пятого августа’, *Ocak-ta* (январь-LOC) ‘в январе’, *Şubat ay-ı-nda* (февраль месяц-POSS3SG-LOC) ‘в феврале’; *saat 3’-te* (час 3-LOC) ‘в 3 часа’, *7.10’-de* (7.10-LOC) ‘в 7.10’, *altı buçuk-ta* (6 половина-LOC) ‘в половине седьмого’, *her saat baş-ı-nda* (каждый час голо-

¹ Примеры предложений взяты из личного архива автора.

² Здесь и далее перевод предложений наш. – Е. Н.

ва-POSS3SG-LOC) ‘в начале каждого часа, каждый час’, *hafta baş-ı-nda* (неделя голова-POSS3SG-LOC) ‘в начале недели’, *yıl baş-ı-nda* (год голова-POSS3SG-LOC) ‘в начале года’; *gece yarısı-nda* (ночь половина-POSS3SG-LOC) ‘в полночь’ и др.;

○ с заимствованными названиями сезонов: *ilkbahar-da* (весна-LOC) ‘весной’, *sonbahar-da* (осень-LOC) ‘осенью’ (от перс. *bahār*);

○ в словах, относящих действие к прошлому, настоящему или будущему без указания точного периода или даты: *geç-en-ler-de* (проходить-PC-PL-LOC) ‘на днях (о прошлом)’, *geç-miş-te* (проходить-PRF-LOC) ‘в прошлом’, *bu gün-ler-de* (этот день-PL-LOC) ‘в эти дни, в настоящее время’, *eski zaman-lar-da* (старый время-PL-LOC) ‘в старые времена, в прежние времена’, *gelecek-te* (будущее-LOC) ‘в будущем’;

○ с наименованиями временных событий и явлений с определенной локализацией: *şafak-ta* (рассвет-LOC) ‘на рассвете’, *gün batım-ı-nda* (день тонуть-POSS3SG-LOC) ‘на закате’, *yemek-te* (еда-LOC) ‘за обедом’ и др.;

○ для указания на интервал совершения действия: (*bir*) *gün-de* ((один) день-LOC) ‘за (один) день, за (одни) сутки’, *iki saat-te* (два час-LOC) ‘за два часа, через два часа’, *bir saat iç-i-nde = içeri-si-nde* (один час нутро-POSS3SG-LOC) ‘за час, через час’ и др.;

○ для указания на частоту или кратность: *üç saat-te bir* (три час-LOC один) ‘раз в три часа’, ‘каждые три часа’, *hafta-da bir* (неделя-LOC один) ‘раз в неделю’, *ay-da bir kere/defa* (месяц-LOC один раз) ‘один раз в месяц’ и др.; отдельные существительные с временным значением могут использоваться в форме как основного падежа, так и локатива, при этом в некоторых случаях возможно частичное изменение значения: *zaman* ‘время’ (*o zaman* (тогда) ‘в то время, тогда’, *tam zaman-da* (точный время-LOC) ‘точно вовремя’, *an* ‘момент’ (*şu an(-da)* (этот момент (-LOC) ‘в настоящий момент’), *vakit* ‘время, пора’ (*kış vakt-i* (зима время-POSS3SG) ‘зимой, зимой порой’, *şafak vakt-i* (рассвет время-POSS3SG) ‘рассвет, на рассвете’, *vakt-i-nde* (время-POSS3SG-LOC) ‘вовремя’);

○ при указании возраста с использованием существительного *yaş* ‘год жизни’: *5 yaş-ı-nda* (5 год-POSS3SG-LOC) ‘5 лет, в пять лет’;

○ в лексемах с первичным пространственным значением *ileride* и *geride*, включающих в себя древний показатель направленности и тесно связанных с представлением о пространственном перемещении: соответствия слова *ileri-de* (перед-LOC) в отдельных тюркских языках имеют временное значение (не везде полностью совпадающее с семантикой указанной единицы в турецком языке) (C2, с. 347), турецкая же лексема обозначает местоположение в направлении пространственного перемещения ‘вперед’ и момент ‘в будущем’: *ileri-de-ki meslekler* (перед-LOC-ADJ профессия-PL) ‘профессии будущего’, *ileri-de yap-ıl-acak icat-lar* (перед-LOC делать-PASS-FUT изобретение-PL) ‘будущие изобретения’; в противоположность этому в (C1, с. 27–28) отмечается, что для антонимичной лексемы *geri-de* (позади-LOC) ‘позади’, ‘раньше, в прошлом’ в целом более характерно пространственное значение, однако в турецком языке присутствует также и временное: *2 yıl-ı geri-de bırak-tı-k* (2 год-ACC позади-LOC оставлять-PST-1SG) ‘Оставили позади два года’; *Kriz-de en kötü gün-ler geri-de kal-ıyor* (кризис-LOC самый плохой день-PL позади-LOC оставаться-PRS) ‘Самые тяжелые дни кризиса остались в прошлом’, что может быть обусловлено отмеченной выше современной тенденцией к описанию временных отношений через пространственные.

В основе подобных выражений лежит представление об однонаправленном течении времени, и абсолютной точкой отсчета, как и для других временных понятий, для *geri-* и *ileri-* является настоящий момент, причем иную точку отсчета в этом случае указать невозможно. При обозначении пространственного положения необходимо указание ориентира, каковым может являться положение говорящего или актора (*İleri-de kaya-lar parlı-yor-du* (впереди-LOC скала-PL блестять-PRS-PST) 'Впереди блестяли скалы'), а для указания на другой ориентир и удаленность используется изафетная конструкция: *tarla-nın 150 mt ileri-si-nde / geri-si-nde* (поле-GEN 150 м впереди-POSS3SG-LOC / позади-POSS3SG-LOC) 'в 150 метрах перед / за полем'. Таким образом, отмеченное выше различие в характере ориентира для пространственных и временных отношений находит отражение в способе выражения временного и пространственного значений.

Древний показатель продольно-направительного падежа *-ça/-çâ* довольно активно используется в турецком языке наряду с названными выше конструкциями с основным падежом (*bütün gün* 'весь день, целый день' и др.) для указания на продолжение действия в течение всего соответствующего временного периода в составе лексем *boy-u-ncâ* (длина-POSS3SG-*PROS) 'вдоль' / 'на протяжении', *süre-ce* (срок-*PROS) 'на протяжении', а также с названиями единиц измерения времени в форме множественного числа: *üç saat boy-u-ncâ* (три час протяженность-POSS3SG-*PROS) 'на протяжении трех часов', *Almanya'da kal-dığ-ımız süre-ce* (Германия-LOC оставаться-SAF-POSS1PL срок-*PROS) 'на протяжении нашего пребывания в Германии', *gün-ler-ce* (день-PL-*PROS) 'на протяжении нескольких дней'.

Древние падежные показатели присутствуют также в составе лексем *önce* 'до, перед, сначала' (от *Өң* 'перед, передняя часть' (C2, с. 532–534)) и *sonra* 'после, потом' (от *Соң* 'конец' (ЭСТЯ, с. 330–331)), используемых в функции наречия и послелога в сочетании с именем в форме аблатива. В *önce* показатель продольности как бы указывает на «пройденность» расстояния, расположенного «перед» соответствующим моментом, а древний показатель направленности в *sonra* указывает на виртуальное направление движения времени. Для обеих лексем в словаре ТЛЮ отмечается временное и пространственное значения. Там же для *sonra* в пространственном значении приводится следующий пример: *Bahçeden sonra geri-ye dön-erek biraz da sokak-lar-da dolaş-tı-k* (R.N. Güntekin (C2)) (сад-ABL потом назад-DAT поворачивать-CV немного тоже улица-PL-LOC бродить-PST-1PL) букв. 'После сада, повернув назад, мы еще немного побродили по улицам', однако опрос носителей турецкого языка³ показал, что они воспринимают приведенное высказывание не в пространственном значении «Пройдя сад, мы повернули назад и немного побродили по улицам», а только во временном: «Погуляв в саду, мы вернулись назад и немного побродили по улицам». Нам не удалось обнаружить примеров, в которых *önce* и *sonra* имели бы чисто локативное значение, свободное от временного, что определяется представлением о времени как о продвижении от прошлого к будущему.

В производном слове *önce-den* (сначала-ABL) 'сначала, заранее' древний показатель продольно-направительного падежа дополняется современным показателем аблатива с частичным изменением общего значения.

³ Материалы личной беседы автора с носителями турецкого языка.

Изложенные выше языковые факты показывают следующее.

1. В отличие от пространственных отношений для выражения временных используются существительные в форме основного падежа. Аналогично при образовании прилагательных с временным значением, в отличие от пространственного, адъективизатор *-ki* присоединяется непосредственно к корню слов, обозначающих циклически повторяющиеся природные явления, в основном древних тюркских.

2. Использование основного падежа для выражения временного значения возможно только с лексемами (в основном древними тюркскими), обозначающими циклические природные явления (части суток, сезоны), за исключением *sabah* 'утро' и *hafta* 'неделя', которые могли попасть в эту группу по аналогии. Это является отражением древней циклической модели времени и может быть результатом различий в восприятии пространственных и временных явлений.

3. Использование локатива во временном значении связано с выражением современных – линейных – временных представлений (точное время, календарные даты, направление течения времени из прошлого в будущее), а также выражает дополнительные значения интервала, завершенности, частоты, кратности. В линейной модели времени пространственные и временные представления сближаются.

4. В отличие от способов выражения пространственных отношений при использовании лексем в форме аблатива и датива для уточнения того, что речь идет о временных отношениях, обычно дополнительно используются послелого. Аблатив, при обозначении пространственного перемещения имеющий транзитивное значение (*sokak-tan geç-* (улица-ABL проходить/проезжать) 'проходить/проезжать по улице'), не обладает им при выражении временных отношений. Темпоральную семантику выражает древний показатель продолжности в *önce* 'сначала', *günlerce* 'целыми днями' и др. Все вышеизложенное также указывает на различия между временными и пространственными представлениями.

5. Лексемы *ileri* и *geri* сочетают в себе пространственное и временное значения и отражают представление о «продвижении вперед во времени» по аналогии с пространственным перемещением и «оставлении позади» прошедших действий. При этом синтаксические способы выражения пространственных и временных отношений с использованием этих лексем различаются.

6. Лексемы *önce* и *sonra* образованы от основ с пространственным значением, однако в них превалирует темпоральная семантика.

7. Наличие в тюркских языках, начиная с древнетюркского периода, специальной лексемы *yaş* 'год жизни' говорит о наличии у древних тюрков личностной системы исчисления времени, о чем писал С.Г. Кляшторный. Использование *yaş* с показателем локатива показывает отличие личностной системы от циклической и сближает ее с линейной системой.

Таким образом, в семантике многих турецких лексем пространственные значения сочетаются с временными, как это имеет место в различных языках. В противоположность этому в турецком языке особенности использования падежных форм (как современных, так и древних) и послелогов указывают на различия между оязыковленными представлениями о пространственных и временных отношениях, а также демонстрируют историческое изменение моделей (стратегий) времени. Таким образом, мнение Г.Д. Гачева относительно превалирования

пространственных представлений над темпоральными у кочевых народов, видимо, распространяется только на сферу лексической семантики, однако наше предположение требует исследования материала других тюркских языков.

Изучение способов выражения пространственных и временных отношений в различных языках, как правило, основывается на анализе лексического материала. Значительное количество рассмотренных выше языковых фактов и их системный характер показывают, что к исследованиям такого рода должны привлекаться явления разных языковых уровней. При этом выводы, сделанные для других языковых групп, не следует автоматически распространять на тюркские языки, во многих отношениях демонстрирующие свою специфику. Исторические изменения в соотношении пространственных и временных представлений в сознании носителей тюркских языков должны быть системно исследованы в масштабах всей группы.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Глоссы

- ABL – отложительный падеж (аблатив)
ADJ – показатель имени прилагательного (адъективизатор)
DAT – дательный падеж (датив)
FUT – будущее время
GEN – родительный падеж (генитив)
İNS – орудийный падеж (инструменталис)
LOC – местный падеж (локатив)
PC – причастие
PL – множественное число
PRF – перфект (прошедшее заглазное время)
*PROS – древний продольный падеж (просекутив)
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
SG – единственное число
1 – первое лицо
3 – третье лицо

Источники

- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
- C1 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.
- ТЛО – Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu). URL: <https://www.tdk.gov.tr>, свободный.
- C2 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Литература

1. *Кучевский В.Б.* Философское учение о бытии и субстанции. М.: Моск. коммер. ун-т, 1993. 128 с.
2. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212 с.
3. *Степанов Ю.С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // *Вопр. языкознания*. 1989. № 5. С. 5–31.
4. *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. 207 с.
5. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.
6. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 231 с.
7. *Кляшторный С.Г.* Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // *История Центральной Азии и памятники рунического письма*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 236–242.
8. *Напольнова Е.М.* Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка: в 2-х т.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. Т. 1. 283 с.
9. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
10. *Гуревич А.Я.* Время как проблема истории культуры // *Вопр. философии*. 1969. № 3. С. 74–97.
11. *Арутюнова Н.Д.* Время: модели и метафоры // *Логический анализ языка: Язык и время* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
12. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1982. 262 с.
13. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
14. *Гачев Г.Д.* О национальных картинах мира // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 1. С. 77–92.
15. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*. М.: Наука, 1988. 557 с.

Поступила в редакцию 14.10.2023

Принята к публикации 14.12.2023

Напольнова Елена Марковна, доктор филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: elenapolnova142@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.22-33

**Using Case Forms for Expressing Temporal Relations
in Modern Turkish Language***E.M. Napolnova**Moscow State University, Moscow, 119991 Russia*E-mail: *elenapolnova142@mail.ru*

Received October 14, 2023; Accepted December 14, 2023

Abstract

Many languages, including modern Turkish, employ lexemes with spatial meaning to express temporal relations. However, the Turkish language stands out for its use of case forms of nouns both to describe the spatial position and movement of objects and to establish the temporal reference of actions and events. These differences are systemic, suggest that native Turkish speakers perceive spatial and temporal phenomena in a unique way, and determine the historical change in their models of time perception. They challenge the belief that spatial relations prevail over temporal ones in the perception of the surrounding world by peoples with nomadic roots but highlight the necessity of considering materials from other Turkic languages. The results obtained show that facts from different linguistic levels should be involved to analyze how temporal relations are conveyed.

Keywords: Turkish language, ways of expressing temporal relations, use of case forms, spatial cases

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kuchevskii V.B. *Filosofskoe uchenie o bytii i substantsii* [The Philosophical Doctrine of Being and Substance]. Moscow, Mosk. Kommer. Univ., 1993. 128 p. (In Russian)
2. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I., et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of Human Factor in Language: Language and Worldview]. Serebrennikov B.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1988. 212 p. (In Russian)
3. Stepanov Yu.S. Counting, number names, and alphabetic numbers in Indo-European languages. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 1989, no. 5, pp. 5–31. (In Russian)
4. Klochkov I.S. *Duhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya* [Spiritual Culture of Babylon: Human, Fate, and Time.], Moscow, Nauka, 1983, 207 p. (In Russian)
5. Tsiv'yan T.V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Moscow, Nauka, 1990. 203 p. (In Russian)
6. Tan Aoshuang. *Kitaiskaya kartina mira: yazyk, kul'tura, mental'nost'* [Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality], Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2004. 231 p. (In Russian)
7. Klyashtornyi S.G. The idea of time and space in ancient Turkic inscriptions. In: *Istoriya Tsentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and Runic Monuments]. St. Petersburg, Filol. Fak. SPbGU, 2003, pp. 236–242. (In Russian)
8. Napolnova E.M. Spatial and temporal relations in the lexical semantics of modern Turkish language. Vol. 1. *Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2021. 283 p. (In Russian)
9. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. Grammatical Doctrine of Words]. Moscow, Vyssh. Shk., 1986. 639 p. (In Russian)

10. Gurevich A.Ya. Time as a problem in cultural history. *Voprosy Filosofii*, 1969, no. 3, pp. 74–97. (In Russian)
11. Arutyunova N.D. Time: Models and metaphors. In: *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language: Language and Time]. Arutyunova N.D., Yanko T.E. (Eds.). Moscow, Indrik, 1997, pp. 51–61. (In Russian)
12. Vsevolodova M.V., Vladimirskii E.Yu. *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke* [Ways of Expressing Spatial Relationships in Modern Russian Language]. Moscow, Russ. Yazyk, 1982. 262 p. (In Russian)
13. Yakovleva E.S. *Fragments russkoi yazykovoï kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time, and Perception)]. Moscow, Gnozis, 1994. 343 p. (In Russian)
14. Gachev G.D. About national worldviews. *Narody Azii i Afriki*, 1967, no. 1, pp. 77–92. (In Russian)
15. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology]. Moscow, Nauka, 1988. 557 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Напольнова Е.М. Использование падежных форм для выражения временных представлений в современном турецком языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 22–33. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.22-33>. ⟩

⟨ **For citation:** Napolnova E.M. Using case forms for expressing temporal relations in modern Turkish language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 22–33. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.22-33>. (In Russian) ⟩